

ЦЕЛАЯ ВСЕЛЕННАЯ

...И ДАЖЕ не мир, а миры. Ибо каждое произведение Шекспира — целая солнечная система со своим центром, вокруг которого по собственным орбитам вращаются большие и малые планеты — события, люди. В них, в этих людях, — бесмертие Шекспира. К сожалению, человеческая природа перестраивается не так просто и не так быстро, как нам бы того хотелось. Эгоизм, себялюбие, животное начало, стяжательство, двоедушие — сколько пороков еще обременяет человечество! Шекспир показал их с беспощадной правдой. Показал и доказал, что мир таких людей — неправедных и злобных — обречен. Доказал не дидактическими рассуждениями, а силой художественных реалистических образов, потому что есть иной мир — мир Гамлета и Отелло с их верой в торжество разума...

И в этом — непреходящее значение Шекспира. Вот почему он — наш союзник, помощник людей театра, которые с любовью обращаются к Шекспиру и сегодня.

У каждого из нас, наверно, свой Шекспир. По-своему питает он фантазию разных режиссеров, актеров, художников. По-разному воплощается на сцене. И в этой разности — сила единства нашего: каждый, идя своим путем, вносит свое в бессмертное дело Шекспира. Даже не поставив, не сыграв своего, кровного Шекспира, а только мечтая о нем, каждый уже обогащен и озарен его мыслью, его вдохновением.

Так было и у меня с «Гамлетом». В этой «пьесе пьес» состоялась много лет назад моя первая встреча с Шекспиром.

...Вахтангов задумывал спектакль в Первой студии МХТа. Колебался в выборе исполнителя Гамлета: Чехов или Хмара?.. Как всегда, одновременно работал и в Мансуровской студии. Ставил «Турандот». Я вижу его, как сегодня, на ночной репетиции сказки Гоцци. Закутанный в доху, мучаясь болью и скрывая ее от нас, он вдруг говорит: «Юра, сыграйте эту сцену принца Калафа еще раз. Только играйте совсем всерьез. Совсем!»

Восторженное настроение, всегда царившее на репетициях Вах-

тангова, молодость с ее жадностью к новым, неожиданным сценическим задачам, азарт их решения — не знаю, что именно, но что-то мне помогло: сцена была сыграна всерьез.

— Решено, — сказал Евгений Багратионович. — Я ставлю «Гамлета» здесь, с вами...

Так началась моя «гамлетана». И пусть (увыл) я не сыграл эту «роль ролей», пусть еще не поставил эту трагедию. Но я был наполнен внутренним светом души Гамлета.

...Вот живет юноша. Он — принц датский, но в данном случае это не так уж существенно. Важно то, что он верит в добро, дружбу, любит своих университетских товарищей и боготворит Офелию... И вдруг чуть ли не в один день узнает, что все, чем он жил, — химера. Отец отравлен родным братом: мать, по старой датской поговорке, «откусила голову своему стыду», взойдя на ложе убийцы: друзья — Гильденстерн и Розенкранц — предатели; возлюбленная соглашается стать приманкой в силки, куда подлецы хотят заманить Гамлета... Есть от чего сойти с ума!

Но Гамлет силен своей внутренней правотой, и его гордый ум отнюдь не сражен. Гамлет силен даже и погибающий, потому что ему открылась истина и у него хватило мужества сказать правду во всеуслышание: сказать подлецу, что он подлец, выступить яростным противником всех темных сил земли и неба...

Естественно, что я говорю о непоставленном «Гамлете». Он — спутник всей моей жизни. Я не могу не думать о нем — сегодняшнем и сегодня.

А то, что уже поставлено, — пережито. Но и это переживается заново чуть ли не на каждом представлении. Ведь спектакль всегда должен обновляться, всегда быть сегодняшним. И если этот закон верен для любой пьесы, то для шекспировской тем более.

Так менялся мой «Отелло». Поставленный дважды — в Ростове-на-Дону и в Москве, — он изменился так же, как время, как я сам, как исполнители. Человек, прошедший сквозь все мыслимые

муки и немислимые страдания, ужасы войны и вышедший из ее горнила человеческим, как никто другой, Отелло по-разному воспринимается залом на протяжении всех лет, что идет эта трагедия.

Те, кто видел в Ростове-на-Дону «Укрощение строптивой» с В. Марецкой и Н. Мордвиновым, спрашивают меня теперь: почему бы не возобновить такое праздничное представление? Но ведь, чтоб оно было праздничным сегодня, следует сочинить его сценическую редакцию заново! Иначе получится беспомощное, не свободное от пошлости «возобновление».

Могу лишь сказать, что «Виндзорские насмешницы» были поставлены много лет спустя в духе «Укрощения строптивой».

Мой ученик по ГИТИСу Леопольд Шатуновский ставит сейчас «Тщетные усилия любви». Спектакль этот пойдет, по-видимому, в небольшом репетиционном зале без сцены, актеры — сплошь молодежь! — будут играть на' ковре, окруженные зрителями. Вспомним, что именно так, стремясь к предельному единению со своим зрителем, начала играть молодежь МХТа в студии на Поварской — первой студии, учрежденной Станиславским...

Стирание граней меж подмостками и залом, сопереживание актеров и зрителей. — драгоценнейшее, редко достижимое и тем более желанное для каждого режиссера свойство театра. Но как развивается, как меняется театр вместе с неумолимым и стремительным бегом времени, — так меняется и характер общения сцены и зала. В «Глобусе» общение было одним, в МХАТе Станиславского — другим, в современном театре — третьим...

Велика сила творчества тех, кто по мощи таланта близок Шекспиру: они вводят нас в мир его образов, освещая их своим светом, и мир Шекспира становится близким, понятным и дорогим каждому из нас...

Юрий ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР